

ЗЕК
ЧЕЛОВЕК
В ГРОБУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Зек Зек

Человек в гробу

<https://litres.ru/74018683>

SelfPub; 2026

Аннотация

Голос потерянного поколения. Диагноз эпохе. Стук в гроб культа продуктивности.

Офисный хоррор. Трагедия неинтересного человека. Смерть при жизни.

Роман-предупреждение, балансирующий над пропастью зависимости. Сатира современной безотцовщины. История падения.

Драма с фирменным психологизмом и бесстыдной соматикой, цепляющая с первых же страниц своей удушающей атмосферой. Завораживающая, как свет фонаря, на который снова и снова, обжигая крылья, летят мотыльки в поисках тепла.

Неужели талант, одержимость, жертвы, дисциплина и прочая хрень — неужели всё было обманом и не было шансов на спасение?

Успех — это сказки, которые взрослые рассказывают взрослым.

Содержание

Глава	4
Человек в гробу	5
Эпиграф	5
1	6
2	10
3	16
4	26
5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Зек

Человек в гробу

Глава

Посвящается поколению, потерянному во ржи...

Человек в гробу

Эпиграф

Но может быть во ржи, продав душу дьяволу,
удастся наконец вырваться из этой клетки,
и птенцом кукушки полететь хоть куда-нибудь,
ну хотя бы вниз, в пропасть,
что бы хотя бы разок почувствовать это...
Всего лишь раз...
Ну пожалуйста...

1

- Чтож, пора вставать. Надо на работу. Как бы не проспять. Чёрт, а сколько же сейчас времени? Надо торопится, похоже сегодня без завтрака. Да, если я прямо сейчас не открою глаза и не встану, то точно останусь без завтрака и опоздаю на работу. Но мне так хорошо в этой постели. Так... жёстко? И... прохладно? Странно. Может если немного опоздать сегодня, то ничего страшного же не произойдёт? Я ведь ни разу не опаздывал за эти 2 года. Но ведь тогда Начальник сделает выговор, а коллеги будут смеяться. Да и она меня не похвалит. Кто она? Не помню, голова так болит... И спина. И так холодно. Где моё одеяло? Ах, вот оно, да. Какое-то оно больно короткое и тонкое. Ему тоже холодно? И неудобно. Жутко неудобно, что с моей кроватью? Подушка такая низкая и маленькая. Неужели она всегда была такой? Но какая разница, опоздаю ли я, приду ли я вообще, теперь это не имеет смысла. Всё бесполезно. Но я никогда раньше не опаздывал. Может, именно поэтому я тот, кто я есть. Нога чешется. Чёрт возьми, надо вставать, сколько вообще сейчас времени?

Рука привычным жестом в поисках старенького телефона, потянулась к тумбе, стоящей слева от кровати, но неожиданно наткнулась на деревянную преграду.

- Ууу? – промычал дезориентированный спросонья голос, – Это что ещё такое?

И я открыл слипшейся ото сна глаза, оказавшись в беспроглядной темноте. Повернул голову к странной деревянной преграде, которую сквозь тьму уже изучала моя ладонь, но ничего не смог разобрать. В попытке отыскать этот чёртов телефон, я приподнял корпус тела, оперившись на локти, но ударился головой обо что-то, от чего вновь вернулся в лежачее положение, положив ладонь на макушку и трепля волосы, пытаясь понять, что происходит. Тут я заметил ещё нечто странное: я был в костюме. Не то, чтобы мне не пришлось в бессилии падать в постель в рабочей одежде и засыпать прямо так, странность не в этом, а в том, что... у меня не было костюма. Я всегда ходил в рубашке, а это пиджак, так ещё и галстук так странно сдавливают шею. Да и моя одежда всегда была потрепанной, такое привычной, я знал её каждую ниточку, каждую пуговичку, каждое пятнышко, которое не изводилось, а это была новая одежда, такая непривычная, странная, даже пахнет по другому. И немного великовата. Да и чем это кстати говоря так пахнет? Нет, чем это так отвратительно пасёт?

Я подвигал ногами и понял, что они в каких-то мягких тапочках, хотя у меня с роду не было никаких тапочек. Что-это? Где моё телефон? В попытке дать себе ответ на этот вопрос, рука полезла отыскивать в незнакомых брюках карманы, но и их там не оказалось.

Я вновь попытался привстать, но снова ударился макушкой головы обо что-то.

Наконец, глаза начали привыкать к темноте, и мне удалось разглядеть потолок в паре сантиметров от моего лица. И стены по бокам. И, кажется сзади тоже. И в ноги во что-то упёрлись. Я оказался заперт, а на мне был чужой костюм и странное белое одеяльце, а на ногах сидели белые тапочки. Что за чёрт? Где я? Может, это чья-та глупая шутка? Того парня в очках? Или другого, низкого роста? Или их обоих? Чёрт, как же их звали? Не могу вспомнить, голова так болит.

- Эй, есть кто? Что это? Где я? – робко начал кричать я, ударяя ладонью по деревянным стенам. Что-то мешало в носке. Может, это какая-то ошибка?

- Алло, есть кто? Что за шутки? – удары стали сильнее и ритмичнее. Воздуха стало не хватать. Приближалось безумное осознание.

- Эй, выпутите меня! Слышите? Я тут! – уже трудно было сдерживать гнев и панику. Изрядно искорёжившись, к ударам руками прибавились колени, но все попытки выбраться были тщетны...

- Нет, нет, нет... Какого чёрта? Что это? Почему я? – уже зашептал я, но гробовую тишину снова прервал крик:

- Где я? Выпустите меня? - и грохот ударов сменился звуком царапавшихся о древесину ногтей. Тут из-за образовавшейся на долю секунды маленькой щели, что-то мягкое и сырое упало мне прямо на лицо, попав в рот и глаза. Это была земля.

- Тьфу! – пытаюсь выплюнуть отвратительную на вкус зем-

лю, кашлял и кряхтел я, стряхивая, смешавшуюся со слезами, почву с лица и глаз.

- Нееееет, о чёрт, нет, только не это! Как же так? – наконец, сопротивляться действительности стало бесполезным. Меня похоронили заживо. Не то, чтобы осознание этого хоть как-то помогло мне.

- Так, никакой паники. – пытался успокоить я себя, сжимая кулаки. – Нужно лишь... Что нужно? Что вообще делать в такой ситуации? Как я вообще оказался в такой ситуации?

Спустя время, сорвав голос и разбив кулаки, страх и гнев утихли, и холодный рассудок смог взять себя в руки и смирится с тщетностью попыток самостоятельно выбраться, осталось лишь экономить силы и драгоценный воздух, надеяться на чудо. На то, что это всё всего-навсего не слишком хороший сон. Шутка. Розыгрыш. Сейчас я снова проснусь и всё закончится. Или кто-то откроет крышку и белый свет ударит в мои глаза, а свежий воздух заполнит лёгкие. Вот сейчас. Через минуту. Меня уже ищут. Уже идут спасать. Уже скоро должен зазвонить будильник. Но будильник не звонил.

- Как же это всё так получилось? – мухой жужжал в голове вопрос, и с силой напрягая мозг, преодолевая боль, я решил найти на него ответ.

2

Кровь и волосы на асфальте. Да, это больно. Даже спустя столько лет. Пухлая рука с лёгкостью поднимает твоё прилипшее к асфальту лицо и, не смотря на твои жалкие попытки противиться разнице в весе и возврату, вновь бьёт им об землю. Да, это определено больно.

- Ещё будешь так говорить? А, щенок? – вопрошает сквозь возгласы толпы голос, но получив в ответ лишь тишину стиснутых зубов, вновь с силой опускает окровавленное лицо в обжигающий майский асфальт детской площадки. Маленькие камешки иголками вонзаются в грязную кожу, а пыль отвратительным осадком попадает в рот и ноздри. И ещё раз. И ещё.

- Так его! Ещё! Будет следить за своим поганым языком! – подзадоривала толпа.

Не помню, сколько таких ударов последовало до тех пор, пока весёлые крики мальчишек не прервал громкий девчачий голос, от которого толпа мгновенно затихла:

- А ну прекрати, Пухлый! – и прорываясь через мальчишек, послушно расступившихся, к нам подошла девочка. Подняв глаза, заплывшие синяками, ты узнаёшь её. Это твоя старшая сестра. Тогда ей было наверное около 10, а тебе всего лишь лет 6. Такая красавица. И такая умная.

- Ты что это творишь, Пухлый?! – вопила она.

- А чего он... – начал было защищаться пухлый мальчишка, но она прерывает его, ни дав сказать ни слова:

- А ну отпусти его!

- Но он...

- Отпусти! Живо! А не то я сейчас позову воспитательницу! – после такой угрозы, ты чувствуешь, как хватка жирных пальцев отпускает твои волосы, и ты чуть было вновь не плюхаешься лицом в землю, но вовремя успеваешь подставить разбитые в кровь локти и ладони.

Спустя мгновение ты ощущаешь на своём лице тёплые ладони, которые крепко-крепко прижимают тебя к детской груди, а сладкий запах ласкает твой разбитый нос. Да, так пахнет только она. Так по родному. И не смотря на то, что обнимаются лишь девчонки - тебе на это плевать.

- Он сам виноват. – тихо начинает оправдываться Пухлый, но Старшая отрезает:

- Ещё раз тронешь его, и я в жизни не дам тебе списать алгебру!

- Но Старшая, он сам...

- Заткнись и убирайся! – вновь холодно отрезает сестра. Да, она была очень красивой и умной девочкой.

Спустя секунду, Пухлый произнёс:

- Ладно, уходим.

- Но брат, а как же... – начал было возмущаться пухлый мальчик твоего возраста из толпы.

- Я сказал уходим. – произнёс старший брат, и взглянув на

обнимающую твоё маленькое в ссадинах и синяках тельце, возлюбленную, тихо добавляет:

- С него хватит.

- Но...

- Пошли.

И они ушли, оставив вас наедине. Через время сестра отрывает тебя от своей груди и нежно взяв за уши, начинает осматривать моё лицо:

- Ну и досталось же тебе! – и достав из-за своего рюкзака влажные салфетки, аккуратно вытирает пятна крови и пыль, стараясь не давить на синяки, но ты отодвигаешь её руку, разворачиваешься спиной и принимаешься сам оттирать грязными руками камешки и сопли, слегка всхлипывая и потрясываясь так, чтоб сестра ничего не заметила, но она заметила. Всегда замечала.

- Больно?

- Н...н...нет. – пытаюсь подавить слёзы, отвечаешь ей.

Она встаёт с колен и подходит к тебе со спины, садиться, отрехая штанину:

- Опять испачкал. Что теперь скажет Мама? Она же только вчера всё постирала.

Ты не отвечаешь. Ты не знаешь, что она скажет, но ты знаешь, что она опять будет плакать. Может быть пойдёт к родителям Пухлого жаловаться и ругаться. Но ты не хочешь, чтобы она плакала.

- Ты ей не говори. – отвечаешь тихо, унимая слёзы.

- Но что я ей скажу? Ты опять побитый, грязный, одежда порвана и испачкана...

- Ничего не говори.

- Но...

- Ничего не говори. – уже чуть громче произносишь ты, и слёзы вновь подступают к горлу.

- Ну хорошо, хорошо. – соглашается сестра, понимая, что вот-вот ты опять заплачешь, но она всё равно расскажет. Не со зла, но расскажет.

- Почему ты не позвал на помощь? – спрашивает она, но понимая, что ответа на этот вопрос не получит, произносит:

- Ладно, пойдём за Младшей.

Ты поворачиваешься обратно и вы вместе идёте внутрь садика в поисках младшей сестры. Уходя с площадки, ты краем глаза замечаешь её, сидящей с подругами на качелях, и оживлённо шептавшихся меж собой, глядя на тебя. Эта громкая девочка с длинными волосами, цвета шоколада, с глазками, полными свободы и жизни. Да, спустя 18 лет она совсем не изменилась. Что в дедском саде, что в школе, что на работе. Как же её звали? Не могу вспомнить...

- Что на этот раз случилось? – открывая железную дверь, спрашивает Старшая.

- Ничего.

- То-есть Пухлый, который раза в два больше тебя, просто так решил подраться с тобой? Это ведь неправда. Он конечно хулиган, и глупый, но уж точно не убудок.

- Тебе он нравится? – внезапно спрашиваешь ты, от чего твоя сестра останавливается на ступеньках и с лёгкой краской спрашивает:

- Нет конечно, дурак! С Чего ты взял? – а ещё через секунду, возвращается к к своему вопросу:

- Так что случилось? Из-за чего тебя побили на этот раз?

- Я сказал его брату, что он трус и девчонка.

- Пухляшу то?

- Да.

- Я думала после того, как ты наконец-то побил его в прошлый раз, от тебя все отстанут. Зачем ты так сказал?

- Потому что он убежал от меня и прятался за Младшей, прикрываясь ею, она его защищала. – выпаливаешь ты, и видя удивление своей сестры, добавляешь:

- И поцеловала его в щёчку мне назло.

- Чего? – всё что успеваешь произнести, как дверь в раздевалку открывается, и оттуда вылетает маленькая красная девочка. Это Младшая. Ваша младшая сестра. Наверное самая красивая девочка на планете.

- О, а вот и вы, а я жду, жду, а вас всё нет и нет. – весёлым голоском восклицает она, и увидев твои красные от слёз глаза, радостно произносит:

- О, а ты что – плакал?

- Нет. – хмуро отвечаешь ты.

- Плакал, плакал, видно же! Сестрёнка, скажи, скажи, что он плакал! – смеётся 3-х летняя девочка, пока Старшая по-

могает тебе зашнуровать кроссовки, а Младшая, всё таким же весёлым голосом, прыгает и скачет, восклицая:

- Я уже умею завязывать шнурки, а ты – нет. А я умею!

А ты сидишь и ругаешься:

- Дура! Хватит! И что? Нет, я не плакал!

- Плакал, плакал! Девчонка, девчонка! Так дедушка сказал!

- Он не говорил, что я девочка! – споришь ты.

- Он говорил, что мальчики не плачут, а ты плачешь, значит ты – девочка! Девочка!

- Нет, я не девочка, я не плакал! – уже кричишь и бесишься ты. Да, этот маленький ангел просто обожает выводить тебя из себя.

- Ну хватит уже! Младшая! – пытается успокоить вас сестра, но кажется это уже невозможно, однако пара стаканчиков холодного кваса, купленного Старшей на скромные карманные деньги, умиряют ваш детский пыл.

3

- Слушайте, кто-нибудь что-нибудь слышал о новом протеине? – говорит полненький паренёк Пончик, бросая на загромождённый стол новый выпуск спортивного журнала с мужниной в идеальной физической форме и с золотым кубком в руках. Под ним белым текстом цитата из интервью: «Приходи раньше всех, работай как одержимый, делай то, что другие не хотят делать, уходи последним. Вот секрет успеха».

- Эй, ты закончил тот документ, о котором я просил? – спрашиваю я его, проходя по офису. У меня на компьютере идёт обновление программы, а это значит, что у меня есть окошко в минут 10, и я решаю пройтись по коллегам и проконтролировать выполнение различной офисной дребедени, которая в свою очередь будет нужна мне для выполнения уже моей работы в будущем.

- А, что? Да, да, вот он. – он достаёт из ящика стола папку.

- Отлично, вот, держи. – забираю папку, а в руку кладу пончик в селюфановой упаковке.

- Ого, это мне? Умешь ты обрадовать человека! Благодарю!

- Только сейчас не ешь, нужно закончить с графиком, потерпи до конца рабочего дня. – предостерегаю я его.

- Есть, босс! – соглашается он, но чуть стоило мне отойти,

как я услышал хруст пакета и чавканье.

- Да, я вас слушаю. – говорит кто-то по телефону. - Да, я записал вашу проблему и уже передал её в нужный отдел, в скором времени её решат.

- Облигации. – говорит кто-то

- Облигации. – повторяет кто-то.

- Наша с-с-трана слишком сконц-ц-центрирована на внешней политике, необходимо пе-р-ренаправить ресурсы внутрь. – умничает Заика, нервно копашившись с принтером. Я подхожу и помогаю поменять картридж:

- Вот так.

- Спасибо большое!

- Надеюсь ты печатаешь тот отчёт, который я просил на прошлой недели? – спрашивая с натянутой улыбкой я.

- Н-н-нет, к сожалению н-н-нет. – отвечает Заика. – Обещаю, что к концу н-н-недели сделаю – отвечает он, одновременно роняя пачку бумаги.

- Я уже это слышал. – бурчу себе под нос я и ухожу, сжимая кулаки. Чёртов растяпа!

- Не говори, у меня до сих пор после вчерашнего голову разрывает. – жалуется кому-то прыщавый карлик Вентилятор, листая ролики в телефоне. – Не сколько от количества алкоголя, сколько от чека, который мы спустили на этих дамочек всего лишь за ночь, хотя они были не плохи.

- Наш начальник – гомик и педик. – говорит кто-то с калькулятором в руках.

- Эй, Вентилятор, ты бы занялся делом вместо этой фигни. – и я на ходу забираю его телефон. – У нас много работы.

- Да, я знаю, просто решил передохнуть пару минут. Голова болит невозможно. – оправдывается урод.

- Тяжёлая ночь? – спрашиваю я, возвращая телефон.

- Да, но уверен тем дурам было ещё тяжелее, представь: встретили просто хищниц – 3 раза за вечер по часу!

- Да, наверное это тяжко.

- Ты всё также на трезвом? – спрашивает кто-то. Я на автомате жму руку.

- Да.

- Да ты псих. – и парень растворяется в общей суматохе.

- Говорю, если бы не светошумовая граната - я бы выиграл тот раунд, они оба уже были у меня на прицеле! – говорит ещё кто-то, играя на рабочем компьютере, но как только я подхожу, он закрывает программу и принимается за работу.

Подходя к столу Очкарика, развалившегося на стуле и закинувшего ноги на стол, мимо прошёл сгорбленный Урод, и запах этого существа заставляет меня заткнуть нос рукой. Благо для него, он успевает уйти и забрать свой тошнотворный запах быстрее, чем у меня кончится терпение.

- Эй, Очкарик. – произношу я, медленно убирая его ноги со стола и садясь на край.

- А, главный зануда отдела. – смеётся он, убирая в сторону...сканворд? – Ты что-то хотел?

- Да, ты просмотрел те файлы, которые я тебе прислал? –

произношу я, медленно поднимая взгляд со сканвордов на него.

- Ты говоришь о... – и он поднимает глаза в потолок, словно ища подсказку в свете люминесцентных ламп. – О файлах...ммм... без названия?

- Нет, не о тех файлах, Очкарик. – я пытаюсь улыбнуться, но получается слишком натянуто. – О других файлах.

- А, о других файлах. – он делает вид, будто бы до него снизошло озарение. – Прямо сейчас этим и займусь. – и он включает свой компьютер. Только в середине рабочего дня.

- Надеюсь ты успеешь это сделать до конца дня, так как сроки уже поджимают, а мне самому нужны эти файлы. Понимаешь?

- Да,да, дедлайны, все дела. – и он начинает заниматься делом, а я беру со стола сканворды и выкидываю в урну.

- Здравов, что, опять подгоняешь этих бездельников? – треплит меня по плечу парень высокого роста, наш «старший» в отделе.

- Здравов, да так, потихоньку. Слушай, я просил передать тебе на стол пару бумаг на подпись, не мог бы ты посмотреть?

- Так поставь сам подпись, дурень.

- Но это ты старший в отделе.

- Ах да, точно. – и он шлёпает себя по лбу, улыбаясь. – Постоянно забываю, что это не ты.

- Эй, привет, работяги. – здоровается проходящий как всегда с чашкой кофе Кофеман.

- Здравов. – говорю я, а спустя секунду добавляю. – Слушай, Кофеман, а тебе говорили, что от такого количества кофеина в твоей жизни ты скоро останешься без сердца?

- Что? Бред. – отвечает Кофеман, а после, пожимая плечами, говорит:

- Ну а что ещё делать? Мне нужно было подготовить несколько отчётов, графиков, презентаций, исследований рынка и прочей чепухи, и всё это за ночь. Не говоря уже про выгул собаки и подработку. Только кофе и энергетики делают это возможным.

- План развития компании. – произносит кто-то.

- Ты молодец, на таких как ты и держится наш отдел. – говорю я.

- Да, ты молодец, Кофеман: если бы не ты, то продажи кофе в нашем офисе упали раз в 5. – треплет его по плечу Высокий.

- Да, но как же порой я ненавижу эту чёртову работу... – слегка задумавшись, произносит Кофеман.

- А кто её любит? – безучастно отвечает Высокий.

- Бывает сидишь и просто... – не обращая внимания на комментарий Высокого, продолжает Кофеман. – Просто думаешь «а зачем всё это?», «не послать ли всё это?», и уже как-то давно всё это для меня ничего не значит, но как продолжаешь двигаться... по инерции что ли... не знаю. – и смотря мне в глаза, он добавляет:

- У тебя такого не было?

- Нет. – лгу я, глядя на лежащий на чьем-то столе журнал с заголовком «Заткнись и иди работать!».

- Эй, послушайте, может мне кто-нибудь помочь, пожалуйста. У меня тут проблема в таблице. – говорит непонятно откуда появившейся Новенький. – Я не знаю, куда мне девать эти цифры? Вернее, откуда мне их взять?

- Я же тебе в прошлый раз показывал, как это делается. – говорю я.

- Забыл. Извини. – беспомощно пожимает он плечами.

- Чего это вы прохлаждаетесь? – говорит с улыбкой подходящий к нам мужчина в дорогом галстуке часах. Он работает на этаже выше, почти что друг Нальника. Галстук не слишком часто спускается к нам на этаж, обычно сидит в своём кабинете или в зале совещаний, или в каких-нибудь новомодных ресторанах или гольф-клубах, встречаясь с крупными клиентами и спонсорами в компании привилегированный сотрудников – мечта, а не должность: больше ответственности и требований, нагрузка на психику и здоровье, отсутствие личной жизни, но за то и больше полезных знакомств, возможностей, и конечно же – денег. Когданибудь я тоже её получу. Вернее, совсем скоро. Говорят, что Галстуку предложили более выгодное место под солнцем, и он увольняется, а это значит, что место освободится. Конечно, конкуренция очень высокая, но я уверен, что займу это место. Да, повышение у меня в кармане. Нужно лишь ещё немного поработать.

- Сплетничаем, распространяем слухи, и работаем в промежутках. – пожимает плечами Высокий, а Кофеман подносит губы к своему стаканчику.

- Хорошо, значит всё нормально? – спрашивает он, смотря мне в глаза.

- Да, вполне. – отвечаю я.

- А как же та презентация и график, которые нужны мне были на прошлой недели?

- Да, я ещё позавчера их закончил и отправил тебе. – отвечаешь ты.

- А квартальный отчёт? – продолжает Галстук.

- Уже на подписании.

- А расчёт расходов и стоимости производства?

- Сегодня утром его закончил.

- Но разве им не Беззубый занимался? – спрашивает Кофеман.

- Я решил ему немного помочь с этим.

- А как же твой график фондов и характеристика рыночных качелей? – продолжает Галстук.

- Вчера ночью его доделал.

- А квитанции из этих...как его там? – не унимается Галстук.

- Из отдела по работе с потребителем и производства. – подсказываю я. – И не квитанции, а технический регламент по новой модели...

- Да, да, да вот это...Так как с этим?

- В процессе. – отвечаешь ты.

- Это плохо, очень плохо.

- Объём оказался слишком большим, вдобавок ко всему волнения на мировом рынке и нагрузка...

- Да, вот кстати хотел поговорить о кризисах и нагрузке.

– и он хватает меня за плечо, медленно отводя в сторону и перейдя на шёпот:

- Сейчас очень сложное время, многое надо наверстать и нагнать, но клиенты волнуются, понимаешь, они хотят видеть, что мы предоставляем более качественные услуги, нежели конкуренты. В общем я хочу сказать, что вашему отделу нужно работать эффективнее, ну, понимаешь, больше отчётов там, графиков всяких и прочей бюрократии.

- Но мы и так работаем на пределе...

- Но можете лучше. Придумай что-нибудь в конце концов, как обычно. Это твой шанс проявить себя, а там кто знает, какие возможности подкинет судьба. – и он, подмигнув мне, похлопал меня по плечу и растворился в толпе, оставив меня в смятении. Где-то раздался голос:

- Любимчик.

Это вывело меня из ступора и я обнаружил, что моё сердце бешено колотится, гоняя гнев по венам, и на лбу проступила испарина.

- Ну так что, ты поможешь мне? – вновь спрашивает Новичок.

- Эй, а между вами с Галстуком что-то есть? – спрашивает

Очкарик, самодовольно смеясь. – Просто он так тебя любит, и по плечу похлопал, ещё улыбка такая.

Но я не слушал. Я смотрел на то, как Галстук подошёл к парню из нашего отдела, его зовут Х., пожал ему руку, и они о чём-то оживлено болтали, словно бы они закадычные друзья.

- Эй, ну так что? Между вами что-то есть? – не унимался

Очкарик. – Молчание – знак согласия.

- Да, моя гомосексуальность. – выпаливаю я, но осознав свою ошибку, пытаюсь исправиться, но уже слишком поздно: весь офис словно бы на мгновение застыл в тишине перед бурей смеха, которая волнами сплетен и шуток прокатиться по всему отделу.

- Это не то, что я имел в виду! – пытаюсь парировать я.

- Да, да, рассказывай теперь. – смеётся Высокий.

- Я так и знал, что ты гей.

- Нет, это не так.

- Но ты сам только что так сказать.

- Нет, я ошибся. Это неправда. – я грани, стиснув зубы, сквозь взгляды и смешки, на одном из столов замечаю папку, которую я просил передать на стол Высокому. Не удивительно.

- Ну так что, ты поможешь? – вновь не унимается Новичок.

- Только если отблагодаришь его в зад. – смеётся Очкарик.

- Да, только сейчас, мне... нужно в туалет. – и произне-

ся это, я хватаю ту злосчастную папку и дрожащими руками буквально пихаю её в руки Высокому, а сам, пошатываясь иду в уборную.

Как только я зашёл в туалет и закрыл дверь, в офисе сразу же воцарилась анархия смеха и шуток в мой адрес. Облокотившись локтями на раковину и с силой сжимая кулаки, я пытаюсь успокоиться и не заплакать, однако холодная вода и внезапно воцарившаяся тишина в офисе, довольно быстро приводят меня в чувство. Открыв дверь из туалета, я натыкаюсь на девушку, неосмотрительно стоящую возле двери. Рядом стоят и Галстук и Высокий, секунду назад явно что-то объяснявшие уставившимися на них, или не на них, работникам.

- Ах, вот и ты, знакомься, наша новая сотрудница – Бестия. Бестия, знакомься, это главный зануда отдела. – произнёс Галстук, и девушка с волосами, цвета шоколада, и глазами, полными свободы и жизни, повернулась ко мне лицом. Да, это определённо была она.

- Мы знакомы. – говорит она.

- Операционные системы. – произносит кто-то.

4

- Нет, пожалуйста, не на...хпхпхпх – кричит тощий парень, пока его голос не прерывает вода унитаза, в который пару минут назад мочился Пухляш. И ты тоже. Само собой, никто не смыл.

- Ахххп! – жадно глотает воздух и выплёвывает мочу и воду изо рта, парень в промежутках между тем, как Пухляш, крепко схватив его за длинные волосы, поднимает и опускает лицо Подлатого в унитаз, пока ещё пара парней, со смехом, держат ему руки, заломив их за спиной в белой рубашке.

- Хватит, пожалуйста! – в очередной раз просит парень, пока унитазные жидкости, смешавшись со слезами паренька, пачкают его заправленную в чёрные брюки рубашку и выпускную ленточку.

- Ахахах, вот так тебе, говноед! – кричит Пухляш.

- Да, он ведь теперь буквально – говноед и мочеглод! – смеётся кто-то.

- Ах, нет, хватит, Зануда, помоги мне! – сквозь слёзы, зовёт тебя на помощь, захлёбываясь холодной водой, Подлатый, которая стекает по его длинным волосам ему за шиворот и на пол белой плитки.

Но ты сидишь на подоконнике, поджав одно из колен к своей груди, и лениво наблюдаю за этой сценой сквозь смех и сигаретный дым ещё дюжины парней в белых рубашках и

выпускных лентах, а не глотаешь ртом чью-то мочу, потому что ты – это ты, а Подлатый – это Подлатый.

- Так, тебе точно хватит денег? – произносит знакомый женский голос, стоя у входа в школу.

- Да, Мам, хватит. – отвечаешь ты. – Этого достаточно. Более чем.

- Какой же ты уже большой! – восклицает Мама, вытирая слёзы.

- Да, настоящий жених! – восторгается Старшая, также подавляя подступающие слёзы.

- Ну жених, не жених, а рубашку я же тебе предлагала погладить! Смотри, уже опять помялся. – начинает причитать Мать, поправляя рубашку и ленту.

- Брось ты, нормально всё. – отнекиваешься ты.

- Нет, не нормально. – продолжает она. – Посмотри, я же тебе говорила, протри кроссовки. Они ведь белые!

- Но я протёр...

- А штаны! – продолжает Мама, не замечая твоих оправданий. – Тебе точно не жмёт там?

- Нет, Мам, не жмёт.

- Точно? – со смехом переспрашивает Младшая.

- Абсолютно. – холодно отвечаешь ты.

- Ты точно поел? Может быть возьмёшь с собой...

- Да, Мам, я поел. – обрезаешь ты, уже немного нервничая. – Я сыт.

- Ну хорошо. – смиряется Мама, уловил твоё лёгкое недо-

вольство, но через секунду вновь заводит ту же пластинку:

- Нет, но ты посмотри на себя! Ты ведь такой большой уже, надо уметь ухаживать за собой, выглядеть опрятно, тем более на выпускном, а ты как бомж выглядишь! Что про нас скажут, про меня, про Старшую, про Дедушку? Что я не могу позволить себе сыну одежду купить, что он как шаромыга ходит? Какая же я мать после этого?

- Мам, никто ничего не скажет, всем всё равно. – пытаешься вразумить её ты. – Да и какая разница, что они там скажут. Они постоянно что-то говорят.

- Мам, а я хорошо выгляжу? – спрашивает твоя 14 летняя сестра, показывая своё новое платице.

- Да, ты как всегда выглядишь безупречно. – отвечает Мать, явно довольная дочкой.

- Да, ты просто принцесса. – соглашается Старшая. – Но праздник сегодня не у тебя.

- И что? – дует губки Младшая. – Мне не нужен повод, чтобы выглядеть хорошо. Я всегда должна быть красивой, я ведь девочка. – и через секунду добавляет:

- Так Мама говорит. Да, Мам?

- Да, дочка.

Внезапно эту женскую беседу прерывает гудок машины, стоящей возле нас и осветившей фарами сквозь наступающие сумерки, стены школы, а из-за открывшейся двери показывается фигура пухлого парня:

- Да оставьте же вы парня в покое наконец! Ему уже не

терпится на праздник, а вы тут его задерживаете. – и он выходит из машины, пожимая тебе руку и приобнимая Старшую за талию, говорит:

- Здоров, выпускник! Здравствуйте, привет Младшая, отлично выглядишь.

- Спасибо. – довольная собой, отвечает Младшая.

- Здравствуй, Пухлый. – отвечает Мать. – Спасибо, что заехал за нами.

- Да не за что, мне не трудно. – отвечает Пухлый, получая поцелуй от Старшей.

- Вы потом кататься? – спрашиваешь ты голубков.

- Да, сейчас завезу твоих, а потом со Старшей поедим покатаемся по городу.

- А как там Пухляш? – спрашивает Мама.

- Да как он? Как всегда... бездельничает. Сейчас бы экзамены сдать, благо школу закончили. Да и то, благодаря вашему сыну. – отвечает Пухлый.

- А сам то? – со смехом замечает Старшая. – Если бы не я, ты бы до сих выпускался.

- Что правда, то правда. – со смехом соглашается Пухлый, и целует Старшую.

- Ну что, я пойду? – наконец осмеливаешься сказать ты.

- Да, конечно, только сейчас сфотографируемся, Пухлый, ты можешь нас щёлкнуть.

- Могу конечно, давайте.

После фото, Пухлый спрашивает у тебя:

- Ты решил, куда будешь поступать?

- Нет, пока. Вообще не знаю. Но точно свалю отсюда. – отвечаешь ты, а замечая слёзы Мамы, добавляешь. – Ну чего ты опять плачешь то, Мам?

- Да, как же вы быстро растёте! – отвечает Мать, и уже не в силах сдерживать слёз, откровенно плачет, обнимая Старшую, глаза которой тоже на мокром месте.

- Ну хватит вам. Это ведь просто выпускной. – пытаюсь успокоить девушек, обнимаешь их, хоть тебе это и не нравится, а после добавляешь:

- Ну я пойду. Давайте, пока. Пока, Пухлый. Деду привет.

- Давай. – отвечает Пухлый, отводя девушек в машину, а ты, после стольких лет, в последний раз входишь в стены школы, где уже играет музыка и гуляют мальчишки и девушки из разных школ в выпускных ленточках, а вдогонку слышишь голос Матери:

- Только не простудись! И будь осторожней! И не пей много! – кричит сквозь слёзы Мама, хотя прекрасно знает, что ты не пьёшь.

- Помогите кто-нибудь! – вновь орёт парень, но его дрожащий голос тонет в туалетном смехе и громкой музыке, пробивающейся сквозь стены.

Да, ты не он. Ты не слабый. Тебя бы Пухляш не смог бы так отделать. Ещё с детского сада не мог. Он сам виноват. Нечего было морить себя голодом, отращивать такие волосы и заправлять так рубашку в брюки, и уж тем более захо-

дить в туалет. Тем более одному. Тем более, когда в туалете Пухляш с друзьями. Тем более, когда они пьяны, хоть и алкоголь в стенах школы запрещён, даже на выпускной, но всем пофиг на эти правила. Да, он сам виноват, что он такой слабый и тупой.

Через пару минут, окончательно заскучав, ты решаешь покинуть туалет, и выйдя в тёмный школьный коридор, полный весёлых подростков и некоторых учителей, призванных хранить порядок, ты идёшь на звук музыки, и попадаешь в спортзал, забитый нелепо двигающимся в такт музыке человеческой массой.

Облокотившись спиной на стену, ты, сквозь толпу, замечаешь то, ради чего сюда шёл – её. Её милое тельце в белом платье ритмично двигается в такт громкой музыке, и немного пьяненькие глаза замечают твой взгляд, на мгновение она останавливается, кажется, музыка затихает, вот вы смотрите друг на друга, её томные глаза словно разглядывают что-то в тебе, и найдя, самодовольно улыбаются, а ты, не в силах сохранять спокойствие, отводишь взгляд в сторону, и периферическим зрением, замечаешь её блестящие губки, сложившейся в улыбку, которая так сводит тебя с ума.

- Эй, привет. – говорит, родившейся из общей вакханалии, одноклассник, и пошатываясь, он протягивает тебе руку, но промахивается.

- Привет. – отвечаешь ты.

- Будешь? – и словно из неоткуда, в его руке появляется

железная банка пива.

- Нет, я не пью.

- Но ладно, зануда. – и пытаюсь перекрычать музыку, он говорит. – Ты пойдёшь гулять?

- Что? – не расслышав, переспрашиваешь ты.

- Говорю, гулять пойдёшь?

- Сейчас?

- Нет, дурень. После выпускного, все собираются пойти гулять по городу до утра.

- Не знаю. – отвечаешь ты, краем глаза смотря на громко смеющейся с подругами, Бестию.

- Ах, блин, я не могу, это так... трогательно... я вас так всех люблю, как жаль, что мы возможно больше никогда не увидимся! Я не могууу! – где-то в толпе класса плачет твоя одноклассница, и вслед за ней, словно волной сентиментальности, начинают рыдать и другие девушки.

- Ты решил, куда будешь поступать, зануда? – спрашивает всё тот же голос.

- Нет.

- Небось куда-нибудь в большой город? Подальше отсюда?

- Хотелось бы.

- Ну, тебе с такими оценками тут ловить нечего. – продолжает завистливый голос. – Такие возможности и перспективы!

- Говоришь, как моя мать. – замечаешь ты ему. – Главное сейчас экзамены сдать!

- Да ты уж точно сдашь, тебе бы об этом беспокоится, мистер заучка! - и через секунду парень провозглашает:

- Ну ладно, я погнал. - заметив кого-то в толпе, которая через пару секунд, съест его.

- Давай. – всё также безучастно, отвечаешь ты.

- Ну чё, у него свободна хата сегодня? Мы едим к нему? – спрашивает кто-то в небольшой кучке неподалёку от тебя.

- Ахаххах, да, тогда было круто! Надо будет повторить! – сквозь музыку до тебя доносится голос откуда-то из другой кучки.

- Ты поченил машину? Мы едим сегодня кататься? – женский голос откуда-то из кучки.

- А как же я?

- Да иди ты!

- Надо бухла взять побольше! И мяса!

- Я не люблю виски!

- Видел новый фильм?

- Какая у тебя причёска! Шик просто!

- Музыка – дерьмо.

- Может потанцуем? Давно хотел сказать тебе: ты мне нравишься... – тихо произносишь ты, смотря на девушку с шоколадными волосами, как внезапно...

Внезапно на тебя накатывает странное чувство, чувство, будто что-то не так, будто вот-вот должно произойти что-то плохое, чувство, будто тебя здесь быть не должно. Воздуха становится невыносимо мало, дышать тяжело, будто бы

ты где-то на вершине горы, сердце безумно бьётся, разрывая грудь, стены школьного спортзала кажутся запертой клеткой, прутья которой медленно двигаются и вот-вот сожмутся до размера птичьей клетки, раздавив и перемолов кости обезумевшей в танце толпе, музыка кажется оглушительной и вязкой, словно грязь, обволакивающей твоё тело, яркий, мигающий свет бьёт в глаза, в его вспышках рождаются пьяные лица подростков... не знакомых подростков! Ты вжимаешься потной от страха спиной так плотно к стене, чтобы слиться с ней воедино, растворится в запахе алкоголя и, мелькающих тут и там, тенях, закрываешь глаза и сжимаешь кулаки, представляешь, что всё это сон, пытаешься прогнать это чувство, но всё бес толку, и ты ищешь силы, чтобы не убежать отсюда в слезах, но даже не можешь пошевелиться и не можешь открыть глаза, как вдруг музыка затихает, и громкий голос провозглашает, выводя тебя из ступора и заставив открыть глаза:

- Внимание! Медленный танец! Ковалеры приглашают дам!

И десятки, сотник подростков в белых рубашках и платьях, со смехом метаться друг к другу и друг от друга, разбегаются, как муравьи, из своих кучек и собираются в пары, а ты стоишь потный и с обезумевшими глазами, и сквозь всю эту вакханалию и суету, замечаешь одиноко стоячую Бестию, которая бегаёт глазами по лицам, а заметив твой взгляд, слегка дёргается, но вновь продолжает делать вид, что не за-

метила и что-то ищет в толпе или у себя под ногами, стоит одна, словно чего-то ожидая.

Но ты, задыхаясь, уже несёшься сквозь людей, расталкивая их в сторону, выпускная лента кажется тебе неподъемными цепями, и ты срываешь её, бросая куда-то на пол, сжимаешь кулаки, пытаешься успокоиться, бьёшь себя по щекам, пытаешься выбить эти глупые мысли и мечты. Мечты, которые преследовали тебя во снах, и мысли, так давно грызущие твой разум. Мечты и мысли о тепле... О её тепле и запахе шоколада, но холодный ночной ветер раннего июня возвращает тебе власть над рассудком, и ты повторяешь себе, сжимая кулаки:

- Нет, нельзя. Мне надо готовиться к экзаменам. Это не для меня. Глупости...

5

- Так ты летала за границу? – спрашивает Пончик, стоящий рядом с Бестией.

- Ну да, пару лет назад, на море. – отвечает девушка.

- И как оно?

- Архитектура у них просто обалдеть, а какие там виды – просто сказка. – рассказывает Бестия. – А еда там...

- Ну, море это конечно круто – перебивает её Вентилятор. – Но горы! Вот это другой уровень. Я был там в прошлом году. Горный воздух, а вид...

- О, горы это да, тоже классная тема. – перебивает его весёлым голосом Бестия. – Но это довольно тяжело, у меня после восхождения так спина и колени болели, просто жуть!

- Ты и в горах была? – явно удивлённый спрашивает Вентилятор.

- Да, несколько недель, но правда не за границей, а у нас. Тут и подешевле, и поближе. Да и горы у нас всё таки круче, чем в других странах. А ты на каких горах был? – спрашивает Бестия.

- Я...в этих....как его....Южно-восточных....Северных горах....Близнецах. – сочиняет Вентилятор.

- Да? Я что-то о таких не слышала. Это в пустыне ниже экватора?

- Да, да, вроде того.

- А, я кажется поняла, это же те самые Южно-Восточные Северные горы Близнецы, самые высокие горы пустынь?

- Да, да, они самые. – самодовольно произносит Вентилятор.

- Какая же у них там высота? Не помню... – бурчит Бестия, подняв глаза к потолку и будто бы задумавшись.

- Полторы тысячи метров над уровнем моря. – мурлычет Вентилятор.

- Ого! Но... – восклицает Бестия.

- Что «но»? – спрашивает слушавший всё это Кофеман.

- Но это кажется не слишком высоким... – замечает Бестия.

- Ну... – мешкается Вентилятор. – Это одна из двух гор близнецов, та, что ниже, а я был на второй, она уже высотой четыре с половиной тысячи метров! – выкручивается Вентилятор.

- Правда? – ехидно улыбается Бестия.

- Д-Да. – слегка оторопев, говорит Вентилятор.

- Но я думала, что в пустыне ниже экватора нет гор выше километра... – завершает партию Бестия.

- А....нет...ты не правильно думала...есть.... а может я что-то перепутал...это было ведь лет 10 назад. – защищается Вентилятор.

- Но ты только что сказал, что был там в прошлом году. – замечает Пончик.

- Я... что-то перепутал. – капитулирует Вентилятор. Стол

Бестии заполоняется смехом.

Заметив мой взгляд, Бестия замолкает, и, слегка прищурив свои глаза, смотрит мне в ответ, будто бы изучая меня, видя насквозь, и ища что-то, какой-то ответ на вопрос, какую-то тайну, секрет, в моих глазах, но я не выдерживаю её взгляда, опускаю глаза, и замечаю, что под столом моя коленка бешено трясётся, а Бестия, довольная своей победой, и видимо найдя то, что она искала, улыбнулась и вновь вернулась в разговор с парнями. С момента её прихода к нам прошло 2 недели.

- Эй, это же главный гомосек отдела! – и кто-то подошёл ко мне сзади и похлопал по спине, но уже по голосу я могу понять, кто это.

- Здравствуй, Х. Чего тебе?

- У меня там презентация на носу, и мне нужны пара отчётов и графиков за последний месяц. Поищешь?

- Да, конечно. Но там очень много всего выйдет, надо искать, давай я чуть позже этим займусь, там очень много всего.

- Нет, дурень, мне не нужно всё. – смеётся Х. – Мне нужна основная статистика и пара фактов, остальное мелочи и детали.

- Но в дьявол кроется в деталях, разве нет?

- Возможно, но какая разница? Я ведь деньги получаю не за поиск дьяволов, да и начальство не ищет ведьм и не проводит инквизиции, это знаешь ли, осталось в прошлом.

- Но как же... – начал было я, но Х. продолжил:

- Просто дай мне основное, пару файлов и таблиц, не больше, а я уже налью там воды, что-нибудь придумаю, подгоню пару цифр, и всё – они ведь хотят услышать «У нас всё лучше, чем раньше, но недостаточно, но мы продолжаем работать», понимаешь?

- Да, но...

- А если они и хотят услышать это, так зачем кормить зрителей тем, чего они не заказывали? Самое главное это подача и уметь продавать. Я прав?

- Ну, думаю в твоих словах есть смысл. – я перевариваю услышанное. – В любом случае это твоё дело, и уверен, у тебя в этом больше опыта, так что делай что хочешь.

- Вот это отлично! Так покапаешься немного для меня?

- Да, конечно, хорошо.

- Отлично, давай, успехов. – и он растворился в офисной суете, а меж тем я напрягся – ко мне шла Бестия.

- Привет, слушай, у меня тут пара вопросов. – начала она.

- Да, конечно, я слушаю. – начал я, пытаюсь успокоиться и начал искать нужные файлы для Х. За последние две недели именно я обучал Бестию и помогал ей освоиться. Ну а кто же ещё?

- Я присяду? – вежливо спрашивает она, поправляю волосы, и указывая на край моего стола.

- Да, конечно.

- Вот у меня тут папка с квартальными отчётами за пери-

од... – начала она, но я её не слушал. Не мог слушать. Мой мозг отказывался воспринимать её слова, а лишь наслаждался каждым звуком её голоса, лёгкими движениями её волос, её мимике и запаху...

- И вот я не понимаю, как правильно, брать отсюда или лучше вначале проанализировать и сверить с фондовым индексом? Или как?

- Ну там всё просто, смотри... – и я отрываюсь от этих чёртовых файлов для X., и принимаюсь изучать папку Бести, пальцем указывая ей на цифры, индексы, графики и таблицы...

- Ты берёшь и по регламенту должна сверить их с данными ГОСТА такого-то, но по факту это вообще лишняя вещь, так что можно сразу брать их и считать по вот этой формуле, затем вводишь в таблицу...

- А, то-есть вот этот огромный документ на хрен знает сколько страниц, мне не нужно изучать?

- Именно.

- А как же тогда реквизиты и источники?

- Просто укажи те, что были за прошлый месяц, но не забудь в названии указать дату – так удобнее вести отчётность для Высокого. Ну, для меня то-есть.

- Блин, спасибо тебе, не знаю, чтобы я без тебя прямо делала. – начала льстить она. – А то я у кого ни спрости, никто ничего не знает, или занят, а если знает и не занят – так не может адекватно объяснить.

- Ну, вот так, привыкай всё делать сама.

- Как ты вообще справляешься со всем этим и держишь столько в голове? Хотя ты ещё со школы таким был...

- Да, наверное. Наверное, я всегда таким был. – что-то странное происходило со мной: сердце колотится, дышать тяжело, всё кружится и плывёт... Наверное, давление...

- А ты кстати не видел кого-нибудь из наших? Ну, из одноклассников?

- Нет, не видел и ничего не слышал. – и я слегка призадумавшись, тихо добавил. - Я как-то и забыл обо всех.

- Неужели никого совсем не помнишь? – не скрывая удивления, восклицает Бестия. Она никогда не скрывала эмоций.

- Нет.

- Это... – подбирая слова, говорит Бестия. – Грустно.

- Нет, почему? Люди приходят и уходят. Детский сад, школа, колледж, теперь офис – все люди лишь временны и рано или поздно придётся с ними расстаться. Так что, нет, не особо грустно. – и через секунду молчания, я добавляю. – Я привык.

- А как же наш городок? Ты видел, что с ним стало? Как он похорошел...

- Да, я был там пару месяцев назад, на похоронах Дедушки. Да, много снесли и стало как-то просторно, я бы даже сказал немного пустовато...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.